

Сергей Аркадьевич Кожин

выпуск 1935 г.

кандидат химических наук

Исповедь химика

Я, Кожин Сергей Аркадьевич, родился в 1917 году. Поступил в 1926 г. во 2–й класс 217 Единой трудовой школы (бывшая гимназия К.И.Мая, 14–я линия Васильевского острова, д.39). Окончил 10–й класс той же школы (именовавшейся к тому времени 17–й средней школой) в 1935 г. По окончании школы поступил на химический факультет Ленинградского университета и окончил его в 1940 г. После войны с 1945 г. был аспирантом химического факультета ЛГУ, а затем работал на химическом факультете (в Химическом институте) Ленинградского университета в течение почти 36 лет (с 1947 по 1983 гг.). Кандидат химических наук, старший научный сотрудник. С 1983 года — пенсионер.

Моей первой учительницей во 2–м классе (он в тот год еще назывался «класс Б первый», в отличие от параллельного «класса Б второго») была молодая преподавательница – Наталия Михайловна Демкина. Она со 2–го по 4–й класс проводила все уроки, кроме физкультуры и пения. Пение во 2–м классе у нас вела София Николаевна Нечаева — пожилая, очень опытная учительница из параллельного класса. С ней я познакомился ближе, когда в 1928–29 учебном году посещал ее уроки французского языка (платный факультативный кружок для учеников обоих параллельных классов). Уроки физкультуры со 2–го по 4–й класс у нас проводила Елизавета Михайловна Трофимова. Она же вела уроки пения в 3–м и в 4–м классах.

Наши параллельные классы со второго по четвертый располагались на 4–м (самом верхнем) этаже. Двери этих двух классов выходили на площадку главной лестницы. Окна нашего класса были обращены во двор; окна другого класса — на 14–ю линию. К нашему классу вела широкая галерея, на боковой стене которой на консолях были укреплены гипсовые бюсты русских писателей: А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого, Н.В.Гоголя и И.С.Тургенева. В последний период (1932–1935 гг.) на промежуточной площадке (между 3 и 4 этажами) был также помещен довольно хорошо выполненный большой портрет Сталина с девочкой Мамлакат на руках.

На перилах лестницы от 1–го до 4–го этажа были укреплены на расстояниях приблизительно 1 м друг от друга латунные шары (диаметром около 4 см), благодаря которым исключались попытки учеников съезжать по перилам лестницы.

На переменах ученики всех младших классов должны были находиться в зале 4–го этажа.

Начиная с 5–го класса (II ступень), мы перешли на «кабинетную систему», то есть занимались по каждому предмету в соответствующем помещении (кабинете).

Многие из кабинетов в школе сохранили свой облик и оборудование со времен гимназии К.Мая.

Кабинет физики (на 2–м этаже дворового флигеля) состоял из трех помещений: а) аудитории с амфитеатром, подъемными светонепроницаемыми шторами на окнах и двойной (раскрывающейся) классной доской; на боковой стене аудитории находился гипсовый бюст И.Ньютона; б) комнаты для проведения лабораторных работ с широкими лабораторными столами, оборудованными кранами газовых горелок (недействующими в наше время); в) лаборантской комнаты, где в шкафах хранились демонстрационные и лабораторные приборы и где можно было подготавливать эксперименты.

Физику преподавал Николай Иванович Евсеев–Сидоров, затем (очень недолго) Вера Алексеевна Крашенинникова, а в 9–м и 10–м классах — Мария Васильевна Григорьева.

Кабинет химии (на 4–м этаже дворового флигеля) состоял из двух помещений: лекционно–лабораторного и лаборантского. В первом были длинные и широкие столы лабораторного типа, оборудованные полками для расстановки склянок с реактивами; в нижней части столов располагались шкафчики с полками. На столах имелись (бездействующие) краны газовых горелок. В торцах столов находились водопроводные раковины, каждая с двумя кранами. Вдоль боковой стены располагался длинный вытяжной шкаф. Учащиеся сидели на специальных высоких табуретках. В этом же помещении был высокий демонстрационный стол с водопроводной раковиной. За столом находилась подъемная черная доска, закрывающая собой второй вытяжной шкаф. Тыльной стороной этот вытяжной шкаф открывался в соседнее помещение (лаборантскую), где были шкафы с реактивами и посудой, также большой лабораторный стол. Часть помещения лаборантской была отгорожена: здесь располагалась специальная фотографическая комната с окном в лаборантскую. Окно это было застеклено красным стеклом (светофильтром).

Химию преподавал Иван Николаевич Артемьев; в 10–м классе — Александр Николаевич Коковин. И.Н.Артемьев в 9–м классе вел химический кружок. Химия была моим любимым предметом, и я всегда был «ассистентом по химии».

Кабинет естествознания располагался на 4–м этаже дворового флигеля (с выходом на дальнюю лестницу). Он состоял из трех помещений: а) лекционного помещения с большим демонстрационным столом и широким застекленным шкафом, где хранились чучела млекопитающих и птиц (рядом стоял недавно приобретенный скелет человека); б) препараторской, также заставленной шкафами с чучелами, коллекциями насекомых, гербариями и демонстрационными таблицами; в) живого уголка, который располагался в мансарде, то есть в специальной пристройке на уровне чердака. Это было довольно большое помещение с частично остекленным потолком и большим окном. В нем выращивались комнатные растения, находились клетки с птицами и небольшими животными (кроликами, черепахами), аквариумы и большой террариум.

Уроки естествознания вела Мария Александровна Гульбина, затем, после ее кончины — Екатерина Ивановна Смирнова.

Класс рисования (каким я его еще застал, вероятно, в 1929 г.) располагался на 3–м этаже дворового флигеля. Он был оборудован закругленным амфитеатром, на котором на металлических стойках были укреплены специальные наклоняющиеся доски–планшеты («пюпитры»), опиравшиеся на колени каждого ученика. На досках, покрытых картоном, удобно было располагать большие листы бумаги для рисования. На стенах класса висели гипсовые слепки античных орнаментов и несколько гипсовых масок и бюстов. Из этого класса небольшая дверь вела в соседнее помещение, которое раньше, как мне говорили, было классом лепки. В наше время там помещался обычный класс (кабинет немецкого языка).

Уроки рисования проводил Иван Владимирович Петровский.

На следующий же год класс рисования был полностью разрушен, и его оборудование было выброшено через окна во двор. Уроки рисования были заменены уроками черчения, проводившимися в кабинете черчения, то есть в одном из обычных классов (на площадке 2–го этажа).

Черчение преподавал Николай Николаевич Чистяков (который, между прочим, жил в тот период временно в фотографической комнате кабинета химии).

Класс пения (на 3–м этаже дворового флигеля) отличался наличием в нем рояля и длинных скамеек для учеников. На стенах были развешаны портреты композиторов — Бетховена и его предшественников. Портретов русских композиторов почему–то не было.

Уроки пения вела Нина Владимировна Бунина. Аккомпаниатором на уроках пения был ученик старшего класса Коля Ильин.

Прекрасно оборудованный физкультурный зал помещался на 1-м этаже дворового флигеля (с выходом на нижнюю площадку дальней лестницы). Над ним во 2-м этаже располагался собственно кабинет физкультуры, состоявший из двух небольших комнат, где проводились теоретические занятия. Рядом находилась мужская раздевалка. Женская раздевалка располагалась на пол-этажа ниже (отгороженная часть лестничной площадки).

Физкультуру преподавал Ростислав Васильевич Озоль — любимец всей школы, в прошлом — воспитанник реального училища К.Мая. На его уроках всегда была идеальная дисциплина. Не знаю, как в других классах, но помню, что у нас на самом первом (вводном) уроке по физкультуре (он проводился в классе), когда Ростислав Васильевич что-то говорил, раздался слабый смех на одной из дальних парт. В это время преподаватель стоял у стола и держался за спинку стула. Услышав смех, он энергично стукнул этим стулом об пол. Однако стул оказался столь непрочным, что мгновенно развалился на составляющие дощечки. Этот инцидент произвел на всех сильное впечатление. Во всяком случае, тишина на его уроках в нашем классе никогда больше не нарушалась.

Помимо уроков физкультуры во всех классах школы (с 5-го по 10-й включительно) Р.В.Озоль вел очень популярный среди учащихся спортивный кружок «Спартак». Выступления участников этого кружка на школьных праздниках привлекали массу зрителей (учеников и их родителей). Многие воспитанники школьного «Спартака», получив в нем хорошую физическую подготовку, поступали затем в институт физкультуры имени Лесгафта.

Я же был одним из тех немногих, кто не участвовал в кружке «Спартак», поскольку никогда не любил физкультуру и не занимался спортом. Но к Ростиславу Васильевичу всегда относился с большим уважением, особенно познакомившись с ним ближе, когда в 10-м классе он стал нашим классным воспитателем. Следует отметить, что Р.В.Озоль пользовался большим авторитетом и среди преподавателей физкультуры школ Василеостровского района.

Небезынтересно также отметить, что Р.В.Озоль кроме практических занятий по физкультуре в 7-м классе читал и небольшой (часов 8–10) курс лекций по истории физического воспитания в Древней Греции и в Древнем Риме. Этот курс отчасти заполнял полный вакуум в исторических познаниях школьников того времени. А в 8-м классе он читал также небольшой лекционный курс о влиянии физических упражнений на человеческий организм, дававший основные сведения по физиологии и гигиене.

Наконец, в кабинете физкультуры Р.В.Озоль регулярно проводил антропометрические измерения всех учащихся, служившие ему для статистических обобщений научного характера.

С кабинетом физкультуры у меня связано довольно необычное воспоминание. В кабинете на видном месте на невысоком шкафчике у Ростислава Васильевича хранилась «в назидание потомству» стеклянная банка с заспиртованной фалангой человеческого пальца. Эта часть пальца руки ученика одного из более старших классов Ларионова была нечаянно оторвана другим учеником того же класса Борисом Ренгевицем. Случилось это так: Ларионов во время перемены стоял на лестничной площадке у прикрытой двери кабинета физкультуры, машинально захватив пальцем руки две петли для висячего замка, закрепленные снаружи на створках этой двери, и с кем-то разговаривал. Прикрытую дверь внезапно резко дернул на себя с внутренней стороны Б.Ренгевиц, от кого-то убегавший и не подозревавший, что дверь не просто прикрыта, а «закрыта на палец». Свидетелем этой сцены я не был, но «экспонат», естественно, производил сильное впечатление. Ренгевица после этого случая перевели в другую школу.

Кабинет военного дела располагался на площадке третьего этажа (под 2^а классом) там, где в гимназии К.Мая находился кабинет истории. На пути к этому помещению имелись ажурные ворота из кованого железа, отгораживающие широкий темный коридор от лестничной площадки. В кабинете на стенах было большое количество таблиц и других наглядных пособий по военному делу.

Военное дело преподавал очень интеллигентный «военрук» — Николай Александрович Румянцев.

Остальные кабинеты являлись просто обычными классами, которые были закреплены за определенными предметами. Нередко, вследствие трудностей при составлении расписания, уроки по тому или иному предмету проводились не в соответствующих кабинетах, а в других, которые были не заняты. Все эти кабинеты (математики, литературы и русского языка, географии, обществоведения и т.д.) располагались на третьем этаже.

Математику преподавал (с 5-го по 8-й класс) Сергей Георгиевич Успенский. Затем, когда он скончался, уроки математики (в 9-м классе) вела Мария Васильевна Григорьева, а в 10-м классе математикой мы занимались с Федором Лукичем Нечаевым (в прошлом — преподавателем гимназии К.Мая).

Русский язык и литературу вели: в 5–8 классах — Лидия Александровна Михайловская (в предреволюционные годы Л.А.Михайловская преподавала в гимназии

К.Мая русский язык и чистописание — 1913/14 учебный год), в 9–м классе — Нина Сергеевна Бауэр, в 10–м классе — Яков Алексеевич Горбовский.

Уроки немецкого языка (с 5–го по 9–й класс) вела Эрика Николаевна Габлер. Она же в течение всего этого периода была классным воспитателем нашего класса. (Только в 10–м классе воспитателем был Ростислав Васильевич Озол).

Географию с 5–го по 9–й класс преподавал Андрей Владимирович Кисловской.

С уроками обществоведения нам не очень везло: преподаватели часто менялись. В 5–м классе уроки вел Василий Иванович Маревичев, в 6–м — Мария Архиповна Бухарина (?), потом еще два преподавателя (именя их не помню), затем (в 9–м классе) — Марк Давидович Домнич. Некоторые уроки обществоведения проводил заведующий школой Константин Иванович Поляков.

В зале третьего этажа была сцена, оборудованная примитивными кулисами и занавесом. На сцене находился рояль. На стенах зала в последний период (1933–1935 гг.) были развешаны портреты учеников–отличников.

В этом зале проходили все школьные вечера. На вечерах бывали, хотя и редко, музыкальные выступления учащихся. Фортепианные пьесы играли: Виктор Клинге (ученик нашего класса), Коля Ильин (ученик одного из старших классов), с вокальными номерами выступала Оля Гладина (очень недолго проучившаяся в нашем классе).

Помню, один раз на вечер был приглашен любимец ленинградской публики — заслуженный артист РСФСР Н.К.Печковский. Его долго ждали, потом с большим опозданием он приехал, спел четыре романса и уехал. Я лично был очень разочарован.

В 8 классе (в 1933 году) по инициативе и под руководством преподавателя физики Н.И.Евсеева–Сидорова наш класс ставил музыкальную комическую пьесу из старых гимназических времен под названием «Иванов Павел» на мотивы из популярных оперетт и народных песен. Мне довелось там исполнять роль учителя географии с глупейшими куплетами. Запомнились, например, такие:

Вот еще земная ось, земная ось, земная ось

Протыкает нас насквозь, нас насквозь. Да!

А меридианы, меридианы, меридианы

На части режут наш страны. Да, наши страны, господа!

Авторами текста этой дореволюционной «весенней фантастической оперы», как выяснилось, были С.М.Надеждин и В.Р.Раппопорт /год не указан/. Машинописный текст хранится в Ленинградской театральной библиотеке им.А.В.Луначарского.

В 9 классе, в начальный период всеобщего увлечения джазовой музыкой, наши ребята инсценировали какое-то подобие выступления джаз-оркестра Л.О.Утесова. В этой затее я не участвовал, так как джаза не терпел, хотя классическую оперную музыку знал довольно хорошо и часто напевал какие-либо оперные мелодии. За это тогда меня даже прозвали «Ходячей Оперой».

В зале второго этажа размещались длинные обеденные столы и скамейки. Во время большой перемены здесь все учащиеся получали горячие завтраки, которые откуда-то привозились в школу в готовом виде и разогревались предварительно в небольшой кухне. Кухня помещалась рядом с подворотней на первом этаже дворового флигеля (за дворницкой).

Школьная библиотека первоначально (в 1926–1929 гг.) находилась на первом этаже лицевого флигеля в торце коридора. Заведовала библиотекой Евгения Карловна Отто. Иногда она проводила занятия по внеклассному чтению. Я помню одно такое занятие в 3 классе по «Детству» М.Горького, которое иллюстрировалось рисованными цветными диапозитивами («туманными картинками») с помощью «волшебного фонаря».

В дальнейшем на месте библиотеки разместили дополнительный гардероб, а библиотека была переведена на третий этаж дворового флигеля (в конец узкого коридора за классом пения).

Вскоре библиотека была подвергнута разгрому. Заведующей библиотекой стала Валя Ермакова — бывшая школьная пионервожатая с табачной фабрики им.М.С.Урицкого. С ее приходом библиотечный фонд сильно «прочистили», то есть попросту выкинули огромное количество «ненужных» или даже «вредных» книг.

Однажды, зайдя в школу во время летних каникул, я увидел в библиотеке на полу большую кучу книг, частично порванных или без переплетов, предназначенных для уничтожения. Я обратил внимание на два слегка подмоченных тома юбилейного издания «Императорский С.-Петербургский Ботанический Сад за 200 лет существования (1713–1913)». Поскольку мой отец был ботаником и начинал свою деятельность в Ботаническом саду, я попросил у В.А.Ермаковой разрешения забрать из кучи эти две книги домой. Так у меня до недавних пор хранились оба тома со штампами: «Географический кабинет Г. и Р.У. К.Мая», которые я теперь передал в музей истории школы. Другими книгами из той кучи я тогда не заинтересовался.

Трудовое воспитание учащихся нашей школы проводилось частично в самой школе, частично на табачной фабрике имени Урицкого, которая считалась нашим шефом.

В школе имелась столярная мастерская, которая в наше время располагалась на первом этаже лицевого флигеля за кабинетом директора (рядом с подворотней). Она была оснащена большим числом настоящих, довольно старых столярных верстаков. Уроки столярного дела (ручного труда) проводил Алексей Алексеевич Суетов.

В дальнейшем нам преподавали и основы слесарного дела (мастерская находилась на первом этаже дворового флигеля, напротив кухни; преподавателя не помню), а также (в 9 классе) технологию и организацию производства. Лекционные занятия по этим двум разделам проводили инженеры с табачной фабрики. Один из них — Николай Павлович Устинов, другой — Андреев.

Помимо этого, в 7 классе мы проходили производственную практику в цехах табачной фабрики (механическом, гильзовом, укладочном). При этом нам доверяли работу на некоторых станках под неусыпным наблюдением работниц. Такая производственная практика проводилась 2 раза в неделю часа по два. Иногда бывали экскурсии по другим цехам табачной фабрики, а также на завод «Красный гвоздильщик» и на завод имени Котлякова.

На первом этаже лицевого флигеля кроме столярной мастерской помещались: кабинет директора, канцелярия, кабинет школьного врача, гардеробы и учительская. В дальнейшем учительская была переведена на второй этаж (в уединенный кабинет под кабинетом военного дела).

В 1926 году, когда я поступил в 217 школу, заведующим школой (директором) был Вениамин Аполлонович Краснов, сам окончивший в свое время (в 1906 г.) гимназию К.Мая и в дореволюционный период преподававший в гимназии литературу. После Октябрьской Революции (с февраля 1921 г.) он стал заведующим школой. Заведующей учебной частью при нем была Елизавета Николаевна Харламова.

С 1929 г. вместо уволенного В.А.Краснова заведующим школой стал Иван Ильич Юревич, а в 1932 г. директором школы был назначен Константин Иванович Поляков. Заведующей учебной частью стала Дарья Никифоровна Тузенко.

Школьным врачом в течение многих лет была Александра Николаевна Сегаль.

Помимо основного школьного гардероба (налево от главной лестницы) и дополнительного (на месте библиотеки) в последний период под гардероб была отгорожена также большая часть вестибюля. Гардеробщицами в течение длительного времени были: тетя Маша (Мария Алексеевна Мицкевич), тетя Мотя (Матрена Алексеевна Либерт) и тетя Феня. Гардеробщиком (в первый период моего обучения в

школе) был также и Степан Васильевич Смородин (в прошлом — швейцар гимназии К.Мая).

В 1932 г., когда я кончал 7 класс, считалось, что среднее образование этим и должно заканчиваться. Поэтому нам всем выдали соответствующие удостоверения об окончании фабрично–заводской семилетки (ФЗС). Мы должны были распоститься со школой и поступать, если захотим, в техникумы или прямо идти на производство. Так это именно и было с двумя предыдущими выпусками.

Но, к счастью, как раз с осени 1932 г. было решено в нескольких школах снова открыть 8–е классы. В нашей школе стало два 8–х, затем два 9–х класса, впоследствии и 10–й класс. Таким образом, класс, в котором я учился с 1932 г. до окончания школы в 1935 г., всегда был самым старшим.

Список учеников 10–го класса, окончивших 17 среднюю школу в 1935 году

1. Аникушин Федя
2. Березкин Петя
3. Бурсиан Наташа (Наталья Робертовна)
4. Вебер Дина (Клавдия Валериановна)
5. Евлашов Юра (Юрий Иванович)
6. Каретникова Нина (Нина Александровна Грейм)
7. Кейлина Рая (Раиса Яковлевна)
8. Кириченко Лев
9. Коваленко Геля (Ангелина Михайловна Роголева)
10. Кожин Сережа (Сергей Аркадьевич)
11. Кузнецов Алеша
12. Ляндау Юра (Георгий Евгеньевич)
13. Мясоедова Ара (Варвара Митрофановна Фролова)
14. Навалихина Нина (Нина Константиновна)
15. Пантелеев Игорь
16. Паульская (Зина?)
17. Пергамент Игорь (Игорь Борисович)
18. Пехтерев Лева (Лев Николаевич)
19. Ромадин Вова
20. Степанов Игорь
21. Степанянц Лорик (Лорен Гаевич)
22. Ушаков Боря (Борис Петрович)

23. Феоктистов Леня (Леонид Фаддеевич)
24. Фрейдзон Тауба (Тауба Марковна)
25. Фролов Шура (Александр Владимирович)
26. Хитрин Дима
27. Хоряев Володя (Владимир Дмитриевич)
28. Циркель Лена (Елена Эрнестовна)
29. Якубовская Галя (Галина Савельевна)

12 апреля 1990 г.

О моем аресте в 1934 году

В январе 1934 г. я был учеником 9-го класса 17 ФЗД (то есть фабрично-заводской девятилетки). Так называлась тогда средняя школа, расположенная на 14 линии Васильевского острова, д.39, в здании бывшей гимназии К.Мая. Мне только что исполнилось 16 лет. Жил я с родителями и восьмилетней сестренкой на углу Малого проспекта и 3 линии.

В ночь с 17 на 18 января в нашей квартире раздался звонок. Отец мой решил, что это пришли за ним, хотя и не чувствовал за собой, конечно, никакой «вины». Но явившиеся сотрудники ОГПУ разуверили его, предъявив ордер на мое имя.

Аресту предшествовал, как обычно, обыск. Обыскивали только мою комнату. Отцу и матери присутствовать при обыске не разрешили. Надо сказать, что обыск проводили не очень придирчиво. Просматривали, конечно, все книги (их было немного), но каждую потом ставили на место, не разбрасывая по комнате, как это обычно практиковалось при обысках. Забрали только мои дневники (самодельные записные книжечки, сделанные из тетрадей), в которые я записывал события школьной жизни и мои настроения в связи с безответной влюбленностью в одну из моих одноклассниц. Дневники эти (а их было к тому времени около десятка) я хранил на высокой круглой печке, стоявшей в моей комнате. Как я теперь думаю, мои дневники и не были бы найдены, если бы я сам не указал на их местонахождение, отвечая на прямые вопросы, не вел ли я дневника и где он хранится.

Закончив обыск, меня в сопровождении конвоира с винтовкой и двух штатских повели пешком по 3 линии до Среднего проспекта, а затем по 1 линии в сторону Большого. Завели в дворницкую одного из домов где-то на полпути к Большому и оставили сидеть. За стеной в соседней комнате кто-то посапывал (вероятно, спящие члены семьи дворника). Конвоира видно не было. Потом (по-видимому, закончив обыск в какой-то квартире этого дома и забрав еще кого-то) меня, опять в сопровождении конвоира и одного штатского, повели на угол Среднего и 1 линии на трамвайную остановку и посадили в подошедший вагон 6-го маршрута. Было еще темно, хотя наступило раннее утро. Ехали мы все трое на открытой площадке полупустого вагона. Штатский спрашивал меня, скоро ли будет Финляндский вокзал. Так как я в этом районе в темное время плохо ориентировался, штатский переспрашивал еще кого-то.

У Финляндского вокзала мы вышли из вагона и пошли по незнакомой мне тогда Нижегородской улице в дальний ее конец (как оказалось, до дома № 39), где находился

ДПЗ (точнее, 1–е отделение Дома предварительного заключения ОГПУ в Ленинградском военном округе).

Все происходившее тогда со мною было весьма необычно, и поэтому теперь, через почти 64 года, многое вспоминается совершенно отчетливо. Поразило, прежде всего, само тюремное здание.

Главное кирпичное здание тюрьмы было четырехэтажным, в плане крестообразным. Оно состояло из четырех корпусов, соединенных под прямыми углами. Два корпуса, расположенные вдоль железнодорожных путей Финляндского вокзала, были длиннее двух других. Через один из перпендикулярных коротких корпусов осуществлялся вход в здание. К зданию примыкало несколько одно– и двухэтажных построек.

В центральной части главного здания, где сходились все четыре корпуса, располагалась круглая площадка с четырьмя решетчатыми стенами, отгораживающими эту площадку от корпусов. Для прохода в каждый корпус служили решетчатые двери, у которых стояли дежурные.

В каждом из корпусов крестообразного здания вдоль наружных стен в четыре этажа располагались камеры с небольшими зарешеченными окнами. Железная дверь каждой камеры была снабжена дверцей для передачи миски с пищей и «глазком» (со шторкой) для наружного наблюдения за арестантами. Дверь находилась в противоположной стене камеры, то есть на расстоянии около 4 метров от окна. Это — длина камеры, ширина же ее была около 2,5 метра.

Первоначально, по–видимому, такие камеры использовались как одиночные, поскольку в каждой камере в углу у двери была одна железная решетчатая койка, которая могла быть откинута к стене и закреплена там скобой (в моей камере эта койка к стене никогда не откидывалась). В другом углу у двери находились унитаз со сливным бачком и водопроводная раковина.

В каждом корпусе у противоположной наружной стены располагался другой такой же четырехэтажный ряд камер. Средняя часть корпуса не имела междуэтажных перекрытий. Над всем корпусом была возведена общая крыша. Вдоль рядов камер на каждом этаже на консолях были закреплены железные галереи с невысокими перилами; на галереях могли разойтись только два человека. На уровне третьего этажа между параллельными галереями была навешена сетка, очевидно для того, чтобы заключенные не имели возможности броситься через перила вниз.

Из-за того, что все конструкции внутри тюрьмы были железными и размещались под одной крышей, во всем здании почти всегда было шумно. Слышны были шаги проходящих по галереям надзирателей в тяжелых армейских сапогах, их громкие окрики, звуки открывания и закрывания железных дверей камер и т.п. Но ко всему этому легко привыкаешь и в дальнейшем обращаешь внимание только на те звуки, которые возникают вблизи своей камеры.

Моя камера (ее номера я не запомнил) оказалась на третьем этаже где-то в средней части одного из двух длинных корпусов. Из зарешеченного окошка камеры при определенном положении можно было видеть передвигающиеся поезда, и были слышны гудки маневрирующих паровозов (тогда железная дорога еще не была электрифицирована).

В моей «одионочной» камере кроме меня, как правило, находились еще 5–6 человек. Все эти люди (кроме одного обладателя железной койки) размещались вповалку на дощатом помосте, сооруженном на «козлах» под окном. Каждому арестанту выдавался «жиденький», давно бывший в употреблении тюфяк с небольшим количеством соломы.

За почти два месяца, которые я отсидел в этом «заведении», состав арестантов частично изменялся, но главными моими сокамерниками были следующие:

— отец Христофор Варфоломеев, священник одной из церквей на Литейном проспекте, очень интеллигентный молчаливый человек с длинной светлой шевелюрой и с усами, носивший черную рясу, обладавший глухим тихим голосом;

— отец Виктор Смелов, с небольшой черной бородкой, носивший обычную одежду. Тоже очень интеллигентный человек, но более живой и приземленный, хотя тоже не очень разговорчивый. Он появился у нас в камере через несколько дней после меня;

— Юденич, весьма пожилой толстый человек с седой бородкой и усами, член церковной «двадцатки» какой-то церкви в районе Литейного проспекта. В камере он был постоянным обладателем железной койки;

— Александр Николаевич Горбачев, активист из прихода одной из Василеостровских церквей, живший здесь же на Васильевском острове (кажется, на 6 линии). Довольно пожилой приятный человек, с которым я немного разговаривал.

Кроме того, запомнились еще двое: дьякон какой-то церкви, с протезом на ноге, а в остальном ничем не замечательный человек пожилого возраста, и певчий какого-то церковного хора, тоже ничем не примечательная личность.

В камере почти не было разговоров: все сидели или лежали на нарах, каждый думал о своем. Все понимали, что разговоры о причинах ареста, о том, что спрашивали на допросах, тем более, разговоры о политике могли в конце концов только навредить. Ведь никому доверять было нельзя! Общение сводилось только к разговорам на бытовые темы: какая на улице погода, скоро ли будут раздавать завтрак или обед, когда будут разносить передачи и т.п.

Один раз к нам в камеру посадили дня на три довольно молодого уголовника. Он был очень развязным и самоуверенным, пытался нас разговорить, развлекал рассказами о приключениях с женщинами (конечно, не стеснясь в выражениях). В нашей «компании» он явно оказался инородным телом, и когда его почему-то от нас убрали, все вздохнули с облегчением. Но лично мне он запомнился особенно потому, что он украл у меня большую порцию сливочного масла, которую я накануне получил в передаче от родных и хранил на своем «лежачем месте» у изголовья. Он воспользовался временем прогулки, когда все с радостью ушли из камеры на 15–20 минут из камеры, а он остался, сказав, что ему не хочется сегодня выходить. Конвоир и закрыл его в камере одного. А вскоре после нашего возвращения его увели из камеры «с вещами». Вещей у него не было, но был его тюфяк, в котором он благополучно и унес мое масло. Обнаружилось это, конечно, не сразу, а когда пришло время обедать. Нам каждый день давали очень жидко сваренную на воде пшеничную кашу без каких-либо питательных или вкусовых добавок. Естественно, что мое масло было бы весьма кстати...

Итак, если не считать этого уголовника, я попал в компанию каких-то церковников, хотя никогда не имел отношения к религии. Дома родители не воспитывали меня в религиозном духе, да я и не задумывался на эти темы. В школе велась, конечно, антирелигиозная пропаганда, но и специально воинствующих безбожников из нас не делали. Пионером я не был и комсомольцем потом не стал. Мне все это было совершенно неинтересно. Я интересовался двумя школьными предметами — химией и естествознанием.

На допросы меня вызывали за все время 3 или 4 раза, обычно поздно вечером. Со мной имел дело только один следователь по фамилии Новоселов. Это был сравнительно молодой человек в военной форме с одной «шпалой» (капитан) на красных петлицах с малиновым кантом. Он производил впечатление достаточно интеллигентного и весьма вежливого человека. Беседа с ним была даже приятной. Он ни разу на меня не кричал, не стучал кулаком по столу и ничем не угрожал.

После первого допроса (это было через несколько дней после моего ареста) я, наконец, начал понимать, что и я сижу в связи с какими-то религиозными делами. Подробно содержания бесед со следователем я, конечно, не помню, но хорошо помню, что я сразу же заявил ему, что «я атеист, но к религиозным убеждениям других отношусь с уважением».

На всех допросах следователь требовал от меня сведений о каких-то неизвестных мне лицах. Все называемые им фамилии были мне незнакомы, за исключением моих школьных одноклассников: Шурки Фролова¹, Бобки Ушакова² и братьев Клинге — Виктора³ и Анатолия⁴.

Фролов и Ушаков были действительно моими лучшими школьными товарищами. А с братьями Клинге, хотя они и были мне симпатичны, я так и не сблизился. Правда, один раз я вместе с Фроловым и Ушаковым заходил к ним домой. Помню, что тогда они рассказывали о своей мечте — поставить в театре оперу на сюжет исторического романа Всеволода Соловьева «Касимовская невеста». Виктор хотел написать музыку (он был хорошим пианистом), а Анатолий — оформить декорации и костюмы (он неплохо рисовал, чем занимался, даже сидя на уроках).

От следователя я узнал, что Фролов, Ушаков и оба брата Клинге тоже арестованы. Об аресте братьев Клинге, которых, оказывается, забрали почти на месяц раньше, чем меня, я не знал — просто не заметил их отсутствия на уроках. (А если бы и заметил, то, вероятно, предположил бы, что они оба заболели). Ну, а с Фроловым и Ушаковым я постоянно общался, и потому понял, что их двоих арестовали в один день (вернее, в одну ночь) со мной. Однако, нас всех троих держали в разных камерах и, если бы не следователь, мы бы ничего тогда друг о друге не знали.

Допрашивая меня, следователь записывал свои вопросы и мои ответы в стандартный печатный бланк «Протокол допроса». В конце беседы он «зачитывал» мне написанное им и затем просил подписаться на каждой странице четырехстраничного бланка. В первом же протоколе на лицевой стороне (то есть на первой странице) должны были быть записаны ответы на обычные анкетные вопросы. Один из них был о социальном происхождении. На этот вопрос я ничего не мог сказать, а надо было точно указать: «из рабочих», «из крестьян», «из мещан», «из купцов» или «из дворян». Я просто не знал ничего по этому поводу, так как в семье никогда не заходила речь на эту тему, тем

---

¹ Александр Владимирович Фролов (1917-1971).

² Борис Петрович Ушаков (1916-1986).

³ Виктор Александрович Клинге (1917- ?).

⁴ Анатолий Александрович Клинге (1916 - ?).

более, в таких терминах. Следователь долго наводил меня на нужный ему ответ: «из дворян», но я не соглашался, так как никогда дома об этом не слышал. (Впоследствии я узнал, что прадед мой был крепостным кучером, а дед фельдшером–дантистом).

Наконец, следователь предложил мне компромисс: подписаться на всех страницах протокола кроме первой, где все–таки им было написано «из дворян». Я тогда не подумал, что итоговая подпись на последней странице, ставившаяся после напечатанной стандартной фразы: «Записано с моих слов верно», относилась, конечно, ко всему протоколу. Следовательно, отсутствие моей подписи на первой странице не имело никакого значения.

Следователь никогда не давал мне самому читать текст протокола. Даже часть текста, записанная им на последней странице, где мне нужно было расписаться, всегда, как бы «случайно», оказывалась прикрытой каким–нибудь листом бумаги, так что прочитать хотя бы заключительные фразы из того, что было записано следователем, я не имел возможности. Но в то время я был настолько наивен, что даже не пытался настоять на том, чтобы прочитать написанное. К тому же «читал» он мне мои ответы, якобы глядя в написанное, в таком виде, что у меня они не вызывали особых возражений. И я подписывал протоколы.

Вместе с тем можно сомневаться, что следователь записывал мои ответы именно в тех выражениях и в том смысле, в каком говорил я при нашей с ним «приятной» беседе. О том, что в ряде случаев в протоколах оказывались искажения смысла ответов, выгодные следователю, можно судить по тем выдержкам из протоколов допроса братьев Клинге, которые теперь опубликованы⁵.

Кроме того, когда уже в декабре 1988 года я был вызван в «Большой дом» для оформления моей реабилитации, мне был показан один из протоколов допроса Виктора (или Анатолия?) Клинге, в котором, например, было написано: «В нашу конспиративную группу входили А.Фролов, Б.Ушаков, С.Кожин» (и еще двое моих одноклассников, которые не подверглись тогда аресту). Я совершенно убежден, что братья Клинге не могли назвать наши фамилии в связи с «конспиративной группой». Такая запись в протоколе появилась, несомненно, по воле следователя (вероятно, того же Новоселова), «клеившего» наши «дела». Естественно, он и не давал нам самим читать протоколы перед их подписанием.

Кроме допросов, в тюремном времяпровождении существенную роль играли почти ежедневные прогулки по прямоугольнику прогулочного дворика, образованному

⁵ Антонов В.В. «Они задумали убить Сталина». Краеведческие записки. Санкт-Петербург. «Акрополь», 1995, вып.3, с.185.

двумя корпусами тюрьмы и двумя высокими кирпичными стенами с колючей проволокой наверху. На стыке этих стен находилась вышка часового.

Интересно, что приблизительно через месяц моего «сидения» я совершенно неожиданно получил возможность нелегально встречаться в тюрьме во время прогулок и с Шуркой Фроловым и с Бобкой Ушаковым. А однажды мы даже все втроем ходили в одном ряду по круговой дорожке прогулочного двора. Но это было лишь в течение нескольких минут... И так как мы были просто школьными товарищами, а не «сообщниками» по «делу», то и обмениваться информацией нам было незачем: мы были в одинаково глупом положении.

А получились эти встречи по недосмотру конвоиров. Обычно на прогулку они выводили обитателей нескольких (до 10) разных камер одного этажа, причем конвоиры, конечно, должны были следить за тем, чтобы на прогулках не встречались «подельники». На прогулочный дворик вела устроенная на стыке двух корпусов полутемная, очень узкая лестница, короткие марши которой были расположены винтообразно. По этой узкой лестнице арестанты спускались без сопровождающего. Наверху один из конвоиров отправлял последовательно группы сокамерников, а внизу в прогулочном дворике другой их встречал.

Я обратил внимание на то, что некоторые из арестантов отставали от обитателей своих камер, задерживаясь в углах лестницы на стыках маршей, и поджидали своих знакомых из других камер. А потом выходили во двор в составе смешанной группы и, по команде встречающего: «Разобраться по камерам!», присоединялись к обитателям чужой камеры. На обратном пути им удавалось так же незаметно соединиться с людьми из своей камеры.

Однажды, увидав издали на прогулке среди незнакомых мне арестантов Шурку Фролова, а в другой раз и Бобку Ушакова, я понял, что смогу и сам воспользоваться этим приемом. И в последующие дни нам удалось с успехом трижды применить эту «хитрость» для того, чтобы пообщаться хотя бы в течение нескольких минут.

Так, в общем без каких-либо изменений, проходило время моего заключения в ДПЗ. Мои сокамерники (и я в том числе) готовились, как минимум, к ссылке. Иногда за пределами камеры возникал необычный шум: возбужденные голоса и команды конвойных. Мой сокамерник Н.А.Горбачев называл это «кадрилью» и говорил, что это значит, что происходит комплектование групп на высылку.

В начале марта меня снова вызвал следователь и объявил мне об окончании следствия с обвинением по статье 58–10, 11 (контрреволюционная агитация).

Наконец, утром 15 марта, то есть через 57 дней после дня ареста, я был вызван из камеры «с вещами». К своему удивлению, в комнате перед проходной тюрьмы я увидел моих школьных товарищей А.Фролова и Б.Ушакова. Затем вошел какой-то человек в командирской форме (не знаю, как он тогда назывался) и объявил нам троим приговор, который заканчивался словами: «...из-под стражи освободить, зачтя в наказание время пребывания под следствием».

Тогда мы на радостях не обратили внимания на то, что мы, оказывается, были наказаны. А, спрашивается, за что?!

Когда мы вышли за ворота тюрьмы, запомнилось прекрасное весеннее утро, очень яркое солнце, ручьи под ногами и капли воды, падающие с ледяных сосулек, свисавших с некоторых крыш.

На трамвае № 6 мы доехали до Васильевского острова и разошлись по домам, условившись назавтра встретиться в школе у кабинета директора.

На следующий день утром явились к директору школы Константину Ивановичу Полякову. Он встретил нас, как всегда, спокойно и сказал всего две фразы: «А, вы пришли? Ну, так идите в свой класс». Посмотрев расписание уроков и дождавшись начала перемены, мы так и сделали.

И тут произошло самое удивительное. Никто как бы не обратил на нас внимания: нас не приветствовали и ни о чем не спрашивали — ни соученики, ни преподаватели. По всей вероятности, К.И.Поляков был предупрежден о нашем возвращении и, видимо, получил указание не привлекать никакого внимания к этому событию, проинструктировав педагогов, а те, в свою очередь, проинструктировали учеников. И в дальнейшем никто в школе никогда со мной не заговаривал о периоде моего отсутствия в течение почти двух месяцев. И так продолжалось до конца учебного года в 9 классе, а затем и в течение учебы в 10 классе.

Окончив школу, я поступил на химический факультет Ленинградского университета. Но здесь я уже сам никому не рассказывал об этом моем «приключении» в школьные годы. Таков был в те времена всеобщий страх перед органами ОГПУ.

Характерно, что в декабре 1988 года в «Большом доме» при оформлении моей реабилитации молодой следователь, просматривая при мне мое «дело», был очень удивлен, узнав от меня, что ни я, ни Фролов, ни Ушаков не были тогда высланы. В моем «деле», оказывается, числилось, что я был-таки куда-то выслан из Ленинграда. Но пометки о том, что высылка не состоялась, в «деле» не было. Кто же кого обманывал?

Для нас троих все это кончилось необыкновенно благополучно. А вот Виктор и Анатолий Клинге, которые, как я слышал еще в школе, пели в церковном хоре подворья Киевско–Печорской лавры (на набережной Большой Невы у 15 линии), получили по 8 лет заключения в Соловках (потом, правда, им сократили этот срок до 5 лет). Известно, что в начале 1937 г. Виктор Клинге из лагеря, где он работал актером в тюремном театре, обращался с письменным заявлением к наркому Ежову с просьбой о пересмотре приговора, при вынесении которого Виктору было только 16 лет. Дождался ли он ответа наркома, неизвестно. И вообще о дальнейшей судьбе братьев Клинге нет никаких сведений. Известно лишь, что тогда по этому делу ленинградских церковников проходило 149 человек — архиереев, священников и мирян. Большинству из них так называемыми «тройками» были вынесены суровые приговоры⁶.

Ленинград, 30 июля 1997 г.

---

⁶ Антонов В.В. Там же.